

## А. И. СОЛЖЕНИЦЫН О РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ ЗАРУБЕЖНЫМ СМИ)

Г. М. Алтынбаева

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет  
имени Н. Г. Чернышевского*

Поступила в редакцию 27 декабря 2017 г.

**Аннотация:** в статье на материале интервью А. И. Солженицына 1974—1993 гг. обобщается круг вопросов о событиях в России в 1917 году, которые волновали западных журналистов во время встреч с писателем и на которые они получили исчерпывающие ответы.

**Ключевые слова:** А. И. Солженицын, 1917, Февральская революция, Октябрьская революция, писательская публицистика

**Abstract:** the article is based on the interviews which were given by A. I. Solzhenitsyn in 1974—1993. The conducted analysis summarizes the questions on the events that took place in Russia in 1917 and were of great interest to the foreign journalists who met with the writer and got comprehensive answers

**Keywords:** A. I. Solzhenitsyn, 1917, The February Revolution, The Great October Revolution, writer's journalism

С февраля 1974 по апрель 1994 года, находясь в изгнании, Александр Исаевич Солженицын дал большое количество интервью, кроме того публично выступал с речами, лекциями, ответными словами. Один из вопросов, которые интересовали зарубежных журналистов, касался 1917 года, в особенности Февральской и Октябрьской революций.

Для зарубежных журналистов и читателей Солженицын стал, прежде всего, источником знаний о жизни за «железным занавесом», после выхода в печать десятилетнего «Красного Колеса» — знатоком русской истории XX века. Авторитетность мнения А. И. Солженицына о революциях 1917 года признается не только за рубежом, после возвращения писателя на родину число его цитирований в российском медиапространстве постоянно растет [1, 223—229]. Особенно это заметно в год столетия двух русских революций.

В статье впервые делается попытка на материале всех интервью, пресс-конференций, публичных выступлений А. И. Солженицына, относящихся к изгнанническому периоду его биографии, представить характеристику ответов писателя на вопросы зарубежных журналистов, касающиеся «истории русской революции». Актуальность исследования заключается в востребованности не только солженицынских оценок истории, но связана и с тем, что спустя 100 лет после трагических событий в истории России настало время подведения их окончательных итогов.

Разъяснения, которые давал Солженицын, можно сгруппировать по нескольким направлениям.

Первый круг вопросов-ответов включает уточнение фактов, касающихся 1917 года, развенчание мифов и легенд, утверждение документа как единственно верного аргумента.

16 ноября 1974 года в Цюрихе в доме писателя во время пресс-конференции о сборнике «Из-под глыб» перед более чем 20 корреспондентами Солженицын сказал: «...а вообще постановка вопроса о понимании русской истории, новейшей, теперь такова: как понять — революция была следствием нравственной порчи народа, или наоборот: нравственная порча народа — следствие революции? Вот так стоит сейчас проблема. В чём была роль русских в 1917: в том ли, что они принесли миру коммунизм, подарили миру коммунизм, или первые приняли его на свои плечи? А значит, каковы перспективы других народов, если на них свалится коммунизм? Устаивал ли какой-нибудь народ против этого, устоит ли всякий в будущем?» [2, 142]. Как мы видим, ключевым словом его высказывания является существительное «понимание». Понимание — это не просто знание, но самостоятельное осознание, приятие/неприятие, умение использовать этот опыт. На это нацеливает Солженицын своего современника и через публицистику, и через художественное творчество.

Во время пресс-конференции по случаю долгожданного вручения Солженицыну Нобелевской премии (Стокгольм, 12 декабря 1974) озвучено важнейшее наблюдение писателя о природе русской революции: «...была конкретная русская ситуация 1917 года. Тот, кто хочет доказать, что это не социализм в Советском Союзе, а сталинский лжесоциализм, тот должен доказать, что исходя из ленинских положений и исходя из конкретной русской ситуации

1917 года можно было построить социализм *не* мас­совым ограблением крестьянства, *не* закабалением рабочего класса, *не* введением массового рабовладения и *не* террором» [2, 178—179]. От Солженицына узнали европейцы и о том, что «весь Архипелаг и все основные системы угнетения создал Ленин» (Вы­ступление по французскому телевидению (9 марта 1976)) [2, 399]. Солженицынский аналитизм требует «жить не по лжи», потому что сама история XX века требует очищения от завалов лжи, обмана и стерео­типов. Тютчевская мысль об «особенной стати» Рос­сии близка солженицынскому взгляду на Отечество.

В ходе написания истории русской революции Солженицын вынужден был заниматься и развен­чанием ее мифов. Так, во время радиointerview ко­мпании Би-Би-Си (февраль 1979) на реплику И. И. Са­пизта о том, что «ведь всё наше понятие об истории России — по крайней мере на Западе — построено на предпосылке, что Февральская революция была яв­лением положительным и что, не будь октябрьского переворота, Россия пошла бы по пути мирного обще­ственного развития» писатель возразил: «Вот это и есть — одна из центральных легенд. Если вникнуть в повседневное течение февральских дней, в каж­дую мелочь и во всю реальную обстановку, то сразу становится ясно: никуда, кроме анархии, она не шла. Она заключала противоречие в каждом своём пункте. Поразительная история 17-го года — это история са­мопадения Февраля. Либерально-социалистические тогдашние правители промотали Россию в полгода до полного упадка. И уже с начала сентября 1917 большевики могли взять упавшую власть — голы­ми руками, без всякого труда. Только по избыточной осторожности Ленина и Троцкого они ещё медлили. Лёгкое взятие упавшей власти совсем не было даже и переворотом. Так что не только не было никакой Октябрьской революции — но даже не было и насто­ящего переворота. Февраль — упал сам» [2, 487]. Эта идея будет еще не раз высказана им на протяжении 20 лет вдали от России. Уверен Солженицын в несо­мненной роли в истории как любителей революций, так и любящих революцию [3].

Настаивает писатель на понимании истории вне предвзятых мнений, вне стереотипов. «Возникло на Западе ложное понимание, что современный СССР есть продолжение старой России — а это путь попе­рёк неё, всрез и на уничтожение. От глаз наблюдате­лей упущен процесс полного разрыва всех традиций религии, культуры, национального сознания и фи­зического уничтожения десятков миллионов носи­телей их» [4, 14].

Солженицын с опорой на документы описывает 1917 год, но эти характеристики неслучайно, на наш взгляд, подходят и к постсоветской России: «От 1917 и посегодня у населения уже никогда не бывало ни сытости, ни безопасности, ни личной свободы» [4, 31]; «Когда Ленин появился в России в апреле 1917,

то сразу же к нему притекали хитрыми разными пу­тями, теперь известными, немецкие деньги, — и весь переход от Февральской революции к Октябрьской был сделан коммунистами на большие деньги. Ни одна социалистическая партия не могла издавать и приблизительно такие тиражи газет, как коммуни­сты. У меня есть достоверные свидетельства, личные свидетельства, как Ленин и Троцкий организовыва­ли плату в Петрограде за участие в большевицких демонстрациях. В 17-м году собирали демонстра­ции так: на заводах, в разных кварталах говорили: вот если ты сегодня с нами сходишь и будешь кри­чать, получишь в конце дня пять рублей или там де­сять рублей» [4, 111]; «Февральская революция, за­двинутая октябрьским переворотом и господством большевиков, вообще как бы пропала в нашей рус­ской истории. Множество её событий неизвестно, особенно внутри страны. А это самое крупное собы­тие нашей истории, это и есть, собственно, главная революция, вот там повернулись судьбы России, да и судьбы всего мира» [4, 251]. Парадоксально по­вторяются в близкое нам переломное время ошиб­ки прошлых революционных событий. Цель писа­теля — уберечь будущее поколение от трагических повторений и ошибок. К сожалению, в перестройку тексты Солженицына еще не были широко извест­ны среди русских читателей в России, поэтому голос его не был услышан и не был воспринят на переломе эпох. Это сейчас писателя часто называют провид­цем, пророком, писателем, предугадавшим масшта­бы последствий крушения СССР. Но надо помнить, что тогда это звучало как предупреждение, состав­ленное на основе уроков истории.

Новым для европейского сознания стало выска­зывание Солженицына о вариативности хода русской истории 1917 года: «Совершенно неправильно гово­рить, что Россия проиграла Первую мировую войну. Она не проиграла её потому, что, во-первых, она была с союзниками. Во-вторых, она не проиграла её потому, что к началу Семнадцатого года имела великолепное военное снабжение, например, артиллерия в начале 1917 уже была снабжена всем необходимым... А вся слабость России состояла в этом конфликте между общественными слоями. Именно это напряжение создавало неустойчивость. Революция не была не­избежна, но *могла* произойти» [4, 296]; «В той рево­люции произошла поразительная вещь: наступила неограниченная свобода, настолько неограничен­ная, какой не знала Европа ни в какой момент своей жизни. Причем эта свобода, принесенная Февралем, быстро, в течение недель, распространилась сверху вниз. И вот простые рабочие могли работать, а могли и не работать, требовать себе денег и не работать» [4, 297]. Много говорили и писали о неизбежности, целенаправленности событий XX века, своими отве­тами Солженицын раскачивает это убеждение, чем заставляет своих зарубежных собеседников-журна-

листов и их читателей, зрителей, слушателей сомневаться в общепринятом, общеизвестном представлении о 1917 году.

Солженицынское россиеведение включает не только понимание смысла истории, но и понимание хода событий истории. Особенно это касается 1917 года. В основе этого круга вопросов-ответов — уточнение последовательности происходившего тогда. Солженицын — хранитель «памяти об истинном ходе событий».

На что же он обращает особое внимание при разговоре с зарубежными журналистами?

Во-первых, на недостоверность памяти человека XX века: «Много лет все усилия коммунистического аппарата были направлены скрыть от народа нашей страны (и от Запада) память об истинном ходе событий в начале XX века, и особенно за годы 1917—1922, и изобразить их в версии коммунистов (Здесь и далее курсив мой. — Г. А.). И задуманное вполне удалось: в СССР гораздо лучше известно начало XIX века, чем начало XX. Историческая память настолько перебита, что даже большинство сегодняшних советских диссидентов вынуждено вести свои построения и предложения на материале не глубже сталинского времени или на внеисторических политических соображениях» (23 апреля 1982) [4, 13—14].

Во-вторых, на реальные границы революций: «Действительно, революция 17-го года отпечаталась на XX веке так, как Французская революция на XIX. Но я должен сказать, что под словами «революция 17-го года» я понимаю некий единый процесс, который занял по меньшей мере тринадцать лет. То есть от Февральской революции до коллективизации 30-го года. Собственно, только коллективизация и была уже настоящей революцией, потому что она совершенно преобразила лицо страны. <...> ... процесс совершенно единый, из Февральской революции не мог не вытечь октябрьский переворот, он должен был выйти из неё. Вот, пересуывая день за днём революцию, я убедился, что уже в марте 1917 октябрьский переворот был решён. Что есть единая линия: Февральская революция — Октябрьская революция — Ленин — Сталин — Брежнев» (Круглый стол в газете «Йомиури» (13 октября 1982)) [4, 93—94].

В-третьих, на корни революции: «Коммунизм произошёл не из старого русского режима, но из февральской формации. Впрочем, ситуация не ограничивается только Россией, она повторяется в различных странах. Я очень далёк от утверждения, что коммунизм всплыл в мире полностью неожиданно. Коммунизм — это только левый край интернационал-социализма. Наша февральская ситуация, совершенно неустойчивая и анархическая, открыла свободный путь для коммунизма, и это характерно не только для России» (4, 303), «революция произошла от напряжения между образованным обществом и властью. Это главная причина революции. Эта революция

могла произойти, а могла и не произойти. И в ходе дальнейших событий, прежде всего в марте 1917, мы видим, что всё шатается, но тогдашняя власть могла бы и удержать. Исторический момент, маленький довесок на одну сторону весов решил дело» [4, 313].

И, наконец, Солженицын на протяжении всего периода работы над «Красным колесом» проводит параллели в истории и подводит читателя к *итогам революций 1917 года*. Так, я выделяю *третий круг вопросов-ответов*. Солженицын заметил: «Русский 1917 год был стремительным, как бы сжатым, очерком мировой истории XX века» [4, 142].

9 марта 1976, выступая по французскому телевидению, Александр Исаевич сказал: «Я всегда считал, что мы должны освободиться сами, не революцией, не кровью. Мы уже потеряли этой крови только внутренней гражданской войной, с 1917 года по 1959, — мы потеряли 66 миллионов человек» [2, 405].

В разговоре с конгрессменом Лебутийе об американском радиовещании на СССР (12 октября 1981) Солженицын указывает собеседнику на ошибки понимания истории: «Это — историческая роковая ошибка либерализма, не видеть врага слева. Считать, что враг всегда только справа, а слева, мол, врага нет. Это та самая ошибка, которая погубила русский либерализм в 1917. Они проглядели опасность Ленина, и то же самое повторяется сейчас, ошибка русского либерализма повторяется в мировом масштабе всюду и везде» [2, 559].

Одна из личных тем Солженицына — тема гонений на веру в XX веке. Конгрессмен Лебутийе в ответ на свой вопрос о религии в СССР услышал: «Весь марксизм основан на ненависти к религии, и Ленин, придя к власти, это кажется парадоксальным, не видел более опасного врага, чем русское христианство, и он нанёс бешеные удары, уже Ленин, а потом это продолжалось при Сталине, при Хрущёве, и при Брежневле продолжается то же самое, несколько в разных формах. Русское православие пережило за эти 65 лет свою Голгофу. Мы испытали гонения, которые превосходят объёмом все гонения на христианство в античные века. Были приняты бескрайние усилия, чтобы полностью уничтожить христианство в России, выкорчевать его из памяти и из сердец. Это последовательная политика советского правительства, и вот она приводит сегодня к тому, что десятки миллионов людей вообще не имеют возможности бывать в храме» [2, 572]. В 1993 году в интервью журналу «Фокус» (7 октября 1993) на вопрос Стефана Заттлера о потребности новой России в «новой духовной ориентации» Солженицын скажет: «Мы в духовной ориентации давно нуждаемся, не от послекоммунистической эры, а от самого 1917 года» [4, 447].

Беседуя с Малколмом Магэриджем из Би-Би-Си (16 мая 1983), Солженицын подводит своего рода итог многолетней работы с историческим материалом: «в ходе работы над ней (книгой о революции.

Прим. — Г. А.) обнаружил, что <...> восемь месяцев, которые прошли от февраля до октября 1917 в России, тогда бешено прокрученные, — затем медленно повторяются всем миром в течение всего столетия. И хотя я не ставил себе целью послужить миру для объяснения Двадцатого века, моя задача была только вернуть России её память, — в последние годы, когда я уже кончил несколько томов, я с удивлением вижу, что я каким-то косвенным образом писал также и историю Двадцатого века» [4, 142].

Закончив работу над «Красным колесом», Солженицын уверенно сказал: «Я знаю, что тем людям, которым надо будет революцию 1917 года понять, те из моих книг её поймут» [4, 411].

Рудольф Аугштайн и читатели немецкого «Шпигеля» (9 октября 1987), благодаря Солженицыну, заглянули в глубь истории и не только узнали, что «...слои, которые создались при Петре, дальше уже никогда не соединились до самого 1917 года. И, собственно, главная причина российской Февральской революции была в полном разрыве этих слоёв, во взаимной враждебности их и взаимном непонимании» [4, 294].

В год 70-летия революции Солженицын предупреждает зарубежных читателей об опасности коммунизма: «Я очень далёк от утверждения, что коммунизм всплыл в мире полностью неожиданно. Коммунизм — это только левый край интернационал-социализма» (Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Шпигель» (9 октября 1987)) [4, 303].

Дэвид Эйкман и читатели журнала «Тайм» (23 мая 1989) получают от Солженицына аналитическое мнение не только о европейских корнях русской революции: «в революции вообще есть такая тенденция: подражать историческим примерам. Французская революция брала из римской истории, из античности, а наша революция — из Французской. Очень часто российские политические деятели соизмеряли себя с тем, что происходило во Французской революции и даже невольно подражали. <...> Но если говорить о влиянии всей Французской революции на всю Российскую — это не прямое влияние, а так: Французская революция повлияла на весь XIX век в Европе — и это отозвалось в России к 1917 году» [4, 323—324]. Неожиданно Солженицын обратит внимание на нерусскость политики Ленина: «весь его индивидуум, весь его мозг настроен только на интернациональную волну, ни к какой нации не принадлежащую. Он всё время ищет международную ситуацию и дышит ею. <...> Он был порождение интернационального времени..» [4, 333].

В 1993 году Солженицын будет говорить о значении 1917 года для всеобщей истории. Сначала эта мысль прозвучит во время интервью со Стигом Фредриксоном для шведского телевидения (16 сентября 1993): «Но 1917 год определил не только путь России, а во многом и всего мира, — и тот, кто любозна-

телен, кто хочет понять ход истории, я думаю, много почерпнёт там» [4, 408], а затем — в прямом эфире телевизионной передачи французского журналиста Бернара Пиво «Культурный бульон» (17 сентября 1993): «Все видят, что стало жить очень плохо. Но не хотят понять, что мы расплачиваемся за то, что в 1917 году допустили коммунистов к власти и они исковеркали, изувечили нормальный путь развития страны. Мы расплачиваемся, и ещё будем расплачиваться всё за то же, всё за то же, всё за прежнее» [4, 423].

Незадолго до возвращения в Россию в своем последнем зарубежном интервью Александр Исаевич Солженицын озвучит свое понимание России: «Россия — это совокупность многих наций, крупных, средних и малых, с традиционной взаимной веротерпимостью, с русским языком — государственным и межнационального общения, и русской культурой — высокого уровня и большого международного веса, воспринятой образованными слоями всех этих народов. Уже перед 1917 управляющий аппарат России был и многонациональным и всесловным» [4, 481—482].

Все высказывания А. И. Солженицына относительно 1917 года, его предпосылок и его последствий — результат почти 50-летней работы с архивами, с подшивками прессы, с документами, с воспоминаниями участников и свидетелей революционных событий. Важное место в этом ряду занимает собственная писательская интуиция и математический анализ Солженицына. Основная задача Солженицына во время бесед с зарубежными журналистами — не просветительская, но просвещенческая — освободить историю от завалов, от мифов и обманов, восстановить историю. Солженицын не только делает выводы о ходе и последствиях событий 1917 года, но и самого читателя настраивает на самостоятельность движения в этом направлении.

Остается вопрос об эволюции взгляда Солженицына на события 1917 года. Действительно, анализ художественных текстов, публицистики писателя позволяет говорить о том, что им пройден путь от увлечения коммунизмом и его трактовкой истории до полного их отрицания. Но необходимо внести уточнение. В случае с Солженицыным само понятие «эволюция» не совсем корректно. Мы настаиваем на сложном формировании этического и эстетического кредо писателя. Путь этот включает не эволюцию, а именно прозрение и постепенное углубление авторского понимания истории, связанного с осознанным стремлением уйти от субъективности взгляда. «Внутренняя цензура и пристрастный отбор» двигали Солженицыным, когда он в ходе воссоздания «истории русской революции» собирал и досконально изучал материалы, на протяжении всей работы отбирая наиболее убедительное из всех доказательных, вычеркивая лишнее, избыточное, перегружающее

поток исторического повествования. Главная задача писателя перед читателем, перед современником — настроить его на понимание истории, ее непредвзятое осмысление.

В год 100-летия русских революций события 1917 года и их последствия стали основой целого ряда произведений новейшей литературы [5, 166—175]. Думается, такой интерес вызван не только юбилейным синдромом, но прежде всего актуальностью в наше неспокойное время аналитического взгляда на недавнюю историю. Современное поколение читателей, получивших в 1990-е годы прививку от обманов истории, требует глубокого «осмысления написанного в актуальном для него контексте, заставляя внимательно просмотреть материал и осознать губительность событий революции и гражданской войны в России, приложить это знание к современной ситуации и отказать от подобного сценария развития общества» [6, 28—29]. Одно из самых авторитетных мнений по этому вопросу принадлежит А. И. Солженицыну.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Алтынбаева Г. М. Уроки Февраля Семнадцатого: солженицынский код в современном медиапространстве

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского*  
Алтынбаева Г. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики  
E-mail: gulnarama@gmail.com

/ Г. М. Алтынбаева // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска: материалы межд. научно-практич. конференции, посв. 100-летию гуманитарного образования в Саратовском университете им. Н. Г. Чернышевского, 1—3 марта 2017 г. — Саратов, 2017.

2. Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. / А. И. Солженицын. — Ярославль, 1996. — Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью.

3. Алтынбаева Г. М. Любители революций и любящие революцию в творчестве А. И. Солженицына / Г. М. Алтынбаева (статья по материалам выступления на Межд. науч. конф. «Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре» (Курский государственный университет, 2017) сдана в печать).

4. Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. / А. И. Солженицын. — Ярославль, 1997. — Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия.

5. Герасимова Л. Е. Поиск «магического кристалла» в современном романе о революции и гражданской войне / Л. Е. Герасимова // Герасимова Л. Е. Пунктирная линия жизни: сб. ст. / Л. Е. Герасимова. — Саратов, 2018.

6. Павленко Р. И. Литературная критика в российских общественно-политических изданиях и новых литературных журналах второй половины 1990-х годов: дис. ... к. филол. н. / Р. И. Павленко. — Саратов, 2016.

*Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky*  
Altynbayeva G. M., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature Department  
E-mail: gulnarama@gmail.com.